

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)
Х15

Хаецкая, Елена Владимировна.

Х15 Встречи с призраками / Елена Хаецкая. — Москва : Алгоритм, 2016. — 400 с. — (Очевидцы сверхъестественного).

ISBN 978-5-906861-22-1

«Этого не может быть!», «Так не бывает!», «Призраки и привидения — всего лишь плод больного воображения». Такое частенько можно услышать из уст закоренелых скептиков. Они говорят подобное ровно до того самого дня, пока лично не столкнутся с миром неведомого.

В этой книге собраны истории о людях и домах Санкт-Петербурга. Автор расскажет о необычных местах культурной столицы, которые хранят в себе вековые тайны истории. Там обитают призраки и привидения, там ждут читателя еще не разгаданные загадки былых времен.

Новая книга Елены Хаецкой — о двух мирах, которые не должны были бы встречаться, но встретились.

**УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)**

ISBN 978-5-906861-22-1

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОЧЕВИДЦЫ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

Хаецкая Елена Владимировна

ВСТРЕЧИ С ПРИЗРАКАМИ

Редактор *В. Богданова*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.03.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-22-1

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Хаецкая

Исчезновение поцелуя	6
Сказки подмешьей	55
Дочь Адольфа	149

Тарас Витковский

Суккуб на троих	214
Фантомы	258

Елена Хаецкая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПОЦЕЛУЯ

Она:

Он сидит на табурете-насесте практически рядом со мной — собственно, разделяет нас всего один никем не занятый насест, — поглядывает на меня искоса и говорит:

— Случалось ли Вам когда-либо замечать, как изысканны бывают резиновые перчатки, оставленные без пригляду? В надетом состоянии они почему-то упорно превращают Ваши руки в какие-то грабарки. Но стоит снять их, выйти из ванной и погасить там свет... Все! В перчатках пробуждается тайная жизнь. И когда в следующий раз Вы входите в ванную и видите их там, на краю раковины, то поневоле отмечаете, в какой элегантной позе они застыли. Если, конечно, — добавляет он, подумав, — допустимо слово «поза» в отношении перчаток, которые представляют слепки не с человеческого тела в его целокупности, но с фрагмента. Положим, выразительнейшего, но все-таки фрагмента.

— Допустимо, — сказала я. Он меня заинтересовал, заговорив о том, что я и прежде считала для себя любопытным.

Он вздохнул с явным облегчением и продолжил:

— У перчаток всегда безупречный вкус. Даже у резиновых. Они не позволят себе вульгарного оттопыривания... оттопыриния? — Он опять посмотрел на меня вопросительно.

— В оттопыринии есть что-то нетопыриное, — ответила я. — Пусть будет лучше оттопыривание.

Он кивнул, соглашаясь, и воскликнул:

— Как с Вами легко! Ну, так вот, ни одна перчатка в здравом уме и не принуждаемая к тому владельцем не допустит жеманного оттопыривания мизинца, пригодного лишь для

совращения прыщавых телеграфистов, но явно недостойного воспитанной дамы.

Он посмотрел на свою руку, в которой держал бумажный стаканчик с кока-колой. Мизинец его с длинным ровным ногтем плотно прилегал к стаканчику.

Он интригуяще подвигал пальцем.

— Видите? Даже когда перчатки не напоминают мне об этом, я все равно не расслабляюсь.

— Растопыренные пальцы плохо лезут в перчатки, — согласилась я.

Он поймал губами трубочку, болтавшуюся в стаканчике, и не без колебаний присосался к коле.

— А Вы любите фастфуд? — спросил он меня.

Я кивнула.

— Но ведь это вредно? — настаивал он. У него, несомненно, имелась какая-то цель, но я ничего не имела против.

— Вы же любите фастфуд, — возразила я. — Хоть это и вредно. Что скажете?

— У меня безупречный вкус, — произнес он, вздыхая. — Я ценю чистоту стиля. Гамбургер — это само воплощение чистоты стиля.

— В таком случае вам должна нравиться тяжелая рок-музыка.

— Тяжелый рок, — поправил он. — Музыка здесь ни при чем... Нет, там слишком много примесей. Удручает.

Он втянул в себя еще немного колы.

— Фастфуд — необязательное место, — сказал он затем и посмотрел на меня. — Здесь достаточно быть милым. Неприятельность такого блюда, как бутерброд, содержит в себе нечто завораживающее. Ты как бы задаешься вопросом: каким же я должен быть, чтобы соответствовать этой длинной булке с тмином, этим кусочкам прозрачной ветчины и ломтикам помидора? Неужто здесь будет востребован весь блеск моего экономического (я говорю условно) образования? Нет, здесь нужно нечто иное. Какие-то глубинные человеческие ценности. Вы следите за моей мыслью?

— Да, — сказала я. — Благодаря Вашей мысли я могу кусать свой бутерброд без всякой задней мысли.

Он одобрительно хмыкнул.

— Поскольку вид жующей женщины всегда вызывает некоторые сомнения, — добавила я.

— О! Вам это известно? — Он выглядел приятно удивленным.

— Я наблюдала за лицами мужчин в ресторанах. Когда они украдкой поглядывали на женщин.

— Понимаю. — Он отставил стаканчик. — Но бутерброд — другое дело. Бутерброд позволяет Вам прилюдно осуществлять даже такую ужасную вещь, как кусание и жевание.

— Именно, — сказала я.

Он перегнулся ко мне через разделяющий нас табурет:

— Скажите мне честно: как выглядят в ресторанах мужчины? Когда они едят? Я, конечно, наблюдал — со своей стороны, — но я абсолютно необъективен...

— Мужчина в ресторане естествен, — сказала я. — Еда — его стихия. Он погружен в нее самой своей физиологией, нацеленной на короткий, но отчаянный рывок: добежать до самки и оплодотворить ее. Такова природа вещей. Женщины в большинстве своем этого не понимают. Или не желают принять. В одном древнеегипетском стихотворении девушка упрекает возлюбленного за равнодушие к ней и говорит:

Уходишь!

Трапеза зовет тебя!

О, ты — человек живота!

Я процитировала неточно, по памяти, и смутилась. Вдруг он знает это стихотворение лучше меня? Эрудиция или невежество собеседника всегда будет оставаться для тебя терра инкогнита. Это одна из тех областей человеческого взаимодействия, где потрясения вероятны в любой момент.

Но он не знал — или удачно притворился, будто не знает. Во всяком случае, держался он так, словно мой ответ полностью его удовлетворил.

— Итак, мы установили, что жующий мужчина естествен, но женщина с куском за щекой выглядит отталкивающе, — провозгласил он, потирая руки. — Поэтому надлежит кушать так, словно ты вовсе не подозреваешь о том, чем занимаешься... И здесь мы возвращаемся к теме перчаток. Чем больше женщина похожа на перчатки, тем лучше.

— Поэтому и поется в песенке: «Менял я женщин, как перчатки»? — спросила я.

Он очень серьезно посмотрел на меня.

— Это чрезвычайно правдивая и грустная песня, — вздохнул он. — Она рассказывает о человеке, который не нашел любви. Ему следовало бы окончить свои дни продавцом перчаточного магазина. Там он, по крайней мере, был бы на месте.

— Ну, а если серьезно, как Вас зовут? — спросила я.

Когда она спросила об имени, я по-настоящему задумался над тем, каким она меня видит. Я впервые знакомился с женщиной в фастфуде. Мы сидели на табуретах-наседках, как американские подростки, и даже немножко крутились на месте. Разделявший нас табурет имел сморщенное, как будто даже озабоченное сиденье. Оно было примято сотнями задниц, побывавших на нем и постепенно тяжелевших по мере поглощения гамбургеров и колы. Оно явно было огорчено нашим пренебрежением.

Это сиденье нагляднее всего, кажется, выражало дух того заведения, где я позволил себе подсесть к незнакомой женщине и завязать с ней разговор.

Хорошо бы в точности знать, что именно она хотела бы сейчас услышать от меня. Проще всего мне с женщинами, которые носят очки. Я сразу видел в их стеклах свое отражение. У черноглазых я отражался прямо в зрачках, нестерпимо блестящих этим неповторимым холодным блеском, какой бывает у женщин, которые в постели кричат — на

страх соседям, — хохочут и подскакивают, а потом мгновенно засыпают расслабленным младенческим сном.

Краем глаза я лихорадочно выискивал свое отражение в какой-нибудь блестящей поверхности и в конце концов вынужден был довольствоваться никелированной стеной. Бедные древние греки и особенно гречанки. Как представишь себе, что Прекрасная Елена за все десять лет сидения в Трое так толком и не увидела своего лица! Все, что ей оставалось, — это довольствоваться выражением отчаянной похоти на физиономии Париса.

— Интересно, — заговорил я, — как изменяется представление человека о своем месте во вселенной, если он не имеет под рукой приличного зеркала?

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала моя соседка.

— А Вы — на мой.

— Сперва Вы.

— Хорошо. Меня зовут Эдуард.

— Эдуард? Seriously?

— Да. Вполне серьезно. Учтите, Вы не первая это спрашиваете. До сих пор мы вели довольно оригинальный разговор, давайте не будем снижать планку.

— Хорошо. Эдуард — это антигуманно. Ваши родители об этом подумали?

— У меня на это несколько вариантов ответа. А: «Они вообще ни о чем не думали». Б: «Имя сочинила бабушка». В: «У меня не было возможности спросить об этом родителей, потому что они погибли в автокатастрофе сразу после моего рождения». Г: «Я все наврал, и на самом деле меня зовут Игорь».

Она задумалась, чуть улыбнулась, дотронулась зубочисткой до уголка рта.

Я ждал. И, пользуясь тем, что она разглядывает меня, разглядывал, в свою очередь, ее.

Она совершенно очевидно принадлежала к числу официальных леди. Маленькая должность, но не референт, чуть выше. Маленькая — самостоятельная — должность. Не больше тридцати. Лицо ухоженно привяло, как и обычно у

женщин, которые регулярно пользуются дорогой косметикой, обязанной навечно сохранить их молодость.

Если она переварит «Эдуарда», то приглашу ее на свидание. На какое-нибудь смешное свидание, совсем детское, вроде похода в кино.

Наконец-то я сумел рассмотреть свое отражение в никелированной отделке стены — оно все время скользило и плавало, распадаясь то на полосы, то на нескольких двойников сразу.

Я выглядел как мужчина средних лет — вероятно, ровесник моей новой приятельницы. Внимательные светлые глаза. Полноватый. Про таких, кажется, говорят «рыхлый».

По тому, как она улыбалась, я понимал, что она находит меня симпатичным. И еще одно слово назойливо крутилось у меня в голове: «безопасный». Она не видит во мне никакой возможной опасности для себя. Как и многие женщины до нее. Я так до сих пор и не решил, как относиться к этому впечатлению: считать его комплиментом или обижаться.

На всякий случай, сразу скажу, что я — не маньяк. Я не убиваю своих случайных знакомых и не прячу их тела в полиэтиленовых мешках по свалкам и необитаемым подвалам.

Я постоянно знаколюсь с женщинами и, как правило, заканчиваю день в одной постели с ними.

Это их свободный выбор. Никого ни к чему не принуждают. Они сами хотят со мной переспать. Наутро они уходят. Одни прощаются долго и нежно, уверяют, что «все было чудесно» и что «когда-нибудь стоит повторить»; другие — выскальзывают из моего дома бесшумно, оставив после себя невесомый поцелуй и запах кофе (который они варят только для себя и потом никогда не моют чашек); третьи пытаются установить более стабильные отношения: «Может быть, попробуем?» Я не препятствую ни первым, ни вторым, ни третьим. В конце концов, все имеет одинаковый финал: они уходят.

Я подманиваю женщин, но не удерживаю их.

По сравнению с Дракулой, я, конечно, абсолютно не опасен.

Моя внешность доставляет мне немало хлопот.

Любите ли вы гостиницы?

Я — очень. Этот несравненный миг, когда ты открываешь дверь в номер и не знаешь, что ожидает тебя внутри. То есть приблизительное знание у тебя, конечно, имеется: кровать, тумбочка, графин, который ни в коем случае нельзя разбить... Но — какие они? Как расставлены? Какого цвета покрывало? Как сложено белье — уголком или прямоугольником?

А что окажется за окном, занавешенным гостиничной тюлевой занавеской? Вид на волейбольную площадку, на «парковый массив» со спрятанным в глубине грилем, на столовую? Я всегда ожидаю чуда. Я не удивился бы, отдернув штору и увидев за окном сияющее море. Но и волейбольная площадка меня неизменно радует. Не говоря уж о парковом массиве с грилем.

Приблизительно то же самое происходит с моей внешностью, когда я встречаю новую женщину. Я никогда заранее не знаю, каким буду выглядеть в ее глазах. Для того чтобы понять это, мне необходимо увидеть свое отражение в любом блестящем предмете, расположенном поблизости от нее.

Разумеется, я заранее знаю, что на моем лице окажутся глаза, нос, щеки, подбородок и прочие аксессуары, но здесь, как и в произведении искусства (не говоря уж о гостиничном номере), важно не что, а как. Ибо в искусстве форма и есть содержание.

Внешность обычно диктует мне и выбор очередного имени. Рыхлый белобрысый мужчина — немного тряпковатый, но безопасный (что важнее всего!) — мог быть либо Игорем, либо Эдуардом. Я выбрал Эдуарда и стал ждать: что выберет она.

Она сказала:

— Лично мне нравится первое объяснение. Должно быть, Ваши родители были очень молоды, очень влюблены друг в друга и жутко счастливы, если назвали Вас так экзотически.

— Хорошо. Теперь Ваша очередь. Отвечайте на мой вопрос.

— В таком случае меня зовут Татьяна.

Я молчал.

Она чуть склонила голову набок и улыбнулась. В уголке ее рта засохла капелька кетчупа. Я машинально обтер ей губы, как делал это с моей младшей сестрой, когда та была еще маленькой.

Она засмеялась:

— У меня такое ощущение, что мы знакомы с Вами тысячу лет. Может быть, даже родственники.

Я все еще молчал.

Она вдруг обеспокоилась:

— Что-то не так? Вы, наверное, торопитесь?

Ну конечно. «Безопасный» мужчина. И тряпка к тому же. У него не хватит мужества сказать женщине, что разговор окончен и пора расходиться.

— Нет, Татьяна, я никуда не спешу, — сказал я, чтобы успокоить ее. — Если только Вы не спешите.

Она покачала головой.

— Хорошо, — кивнул я. И снова замолчал.

— А что не так? — Она опять улыбнулась. — Вам не нравится имя Татьяна? Предпочли бы Гризельду или Бьенпенсанту?

— Ваше имя меня вполне устраивает, — сказал я, — просто это не ответ на мой вопрос.

Она чуть нахмурилась.

— А какой вопрос Вы задавали?

— Я спрашивал насчет зеркал и места человека во вселенной.

— Ах, это! — Она весело улыбнулась и повертелась на табурете, туда-сюда, туда-сюда. Несомненно, на работе у нее такой же вертящийся стул. Чрезвычайно гармонирует с ее фигурой. Они как бы созданы друг для друга.

Удивительное дело. Стоило появиться таким стульям, как сразу же народилось поколение женщин с подходящими для них фигурами. Причем — как предусмотрительная природа! — зачаты и, стало быть, генетически предопреде-

лены были эти дамы с их офисным фенотипом за двадцать лет до того, как промышленность освоила офисную мебель. Над этим стоило бы поразмыслить.

— Можете не отвечать, — сказал я, коснувшись ее руки.

— Почему? — Она, кажется, обиделась.

— Вы уже ответили.

— Каким это образом, если я все время молчала?

— Вся ваша личность, все Ваше естество... или, лучше сказать, фенотип...

— Логотип — знаю. Даже линотип знаю. Просто типов — знавала. А что такое фенотип?

— Тип, растворенный в фенолфталеине.

— Вы меня разыгрываете... Но это мило.

И безопасно, добавил я про себя.

Теперь, когда я точно знал, что я — Эдуард, рыхлый, белобрый, милый, — я больше не терялся. Я точно знал, как держать себя с ней.

И был готов к следующему вопросу. Этот вопрос всегда маркировал переход к новой стадии отношений, более близких.

Она коснулась кончиками пальцев моей щеки (мой жест с обтиранием ее запачканного рта вполне давал ей право на такое интимное прикосновение):

— А это... неужели родимое пятно? Простите, что я спрашиваю, может быть, это неделикатно.

— Ничего, спрашивайте. Я привык. Да, это родимое пятно.

— Удивительно. Впервые в жизни такое вижу.

Каким бы я ни предстал моим подругам — тощим, толстым, черноволосым, кудрявым, лысым... в общем, вы меня поняли, — неизменным сохранялось одно: большое родимое пятно на левой щеке.

Пятно, в точности повторяющее очертание женских губок. Во времена жирных помад водевили были полны незадачливых любовников с подобными отпечатками. Про нечто подобное даже сняли комедийный фильм «Поцелуй Мэри Пикфорд».

Считается, что младенец ничего не понимает, но я отчетливо помню голос моей матери: «Боже мой, что это у него на щеке?» И чей-то еще голос, чужой: «Пигментация... потом можно будет удалить. Сейчас это делают. Косметический недостаток. Хорошо, что не девочка...»

Я глубоко убежден в том, что эти голоса мне не почудились, и вот почему.

Первый женский вскрик — «Боже мой, что это у него на щеке?» — остался в моей памяти как шепелявый: «Бошеймой, што это на щеке?» — и вместе с тем он воспринимался как нечто («нешто») очень родное, знакомое издавна.

Ответ второй женщины не вызывал у меня никаких эмоций. Я даже не уверен в точности воспроизводимых слов, потому что выражение «косметический недостаток» при всей разумности младенцев мало что говорил младенческому разуму. Другое дело — непонятное логически, но внушающее гордость: «Хорошо, что это не девочка».

Моя мать никогда не шепелявила. Никогда — на моей «разумной памяти». Но как-то раз, случайно, она обмолвилась о том, что в молодости не выговаривала половину звуков и вынуждена была в конце концов пойти к логопеду или к преподавателю сценречи на пенсии, сейчас не вспомню точно. И ей поставили произношение. Она работала экскурсоводом, так что для нее это имело принципиальное значение.

На момент моего рождения мама еще не умела произносить звуки «с» и «щ». Поэтому я думаю, что услышал ее голос и запомнил ее слова. Они имели отношение ко мне, к тому, как я выгляжу. Зеркала у меня под рукой тогда, разумеется, не было, а если бы и было — как всякий младенец, я не умел фокусировать взгляд и вообще, как говорят, видел все вверх ногами. (Этого я как раз почему-то не помню. Мне все казалось вполне естественным.)

Позднее в глазах моей матери я видел чудесного ангела с пятнышком на щеке. С крохотным, несущественным, очаровательным пятнышком.

Я был симпатичный младенец.

С точки зрения бабушки, я был излишне тощий, и пятно у меня было уродливое.

Отец видел меня слишком раскормленным. Когда его очки наклонялись надо мной, я отдавал себе отчет в том, что мои щеки свисают почти до плеч, а пятно похоже на прилипший к коже гнилой листик, упавший с дерева. Отец даже пытался оттереть его платком.

С самого рождения я понял и принял ту истину, что люди видят друг друга по-разному. Например, мой начальник — отвратительный урод с бородавкой на лысине — представляется своей жене мирным занудой, а младшая внучка его просто обожает, и он для нее — волшебник. (Я рассуждаю сейчас умозрительно. На самом деле я не знаком ни с женой, ни с младшей внучкой моего начальника, однако всерьез подозреваю их наличие.)

Можно было бы предположить, что в детстве меня много дразнили из-за родинки и что я вообще «натерпелся» от бессердечных и черствых зверенышей, именуемых детьми, но это совершенно не так. Дети принимают мир как данность, не имеющую развития, поэтому наличие у меня большой, темно-красной, бесформенной родинки мало кого занимало.

На самом деле нас поглощали совершенно другие проблемы. Если хотите, назову одну.

У меня был приятель по имени Суслик. И этот Суслик все время делал разные пакости, а я жаловался на него воспитательнице, и она ставила Суслика в угол. Потом Суслик догадался, как отомстить, и тоже стал на меня ябедничать. Тогда я возненавидел всех, кто ябедничает, и поклялся никогда этого больше не делать и не позволять другим. А потом нас с Сусликом развели по разным группам, и мы вообще почти не виделись больше.

Вот эти обстоятельства и поглощали мой ум, а вовсе не родимое пятно.

Я рос вполне счастливым ребенком. Мама иногда заговаривала о косметической операции и даже сводила меня

однажды к врачу, но врач сказал, что делать такую операцию опасно — это может вызвать онкологические осложнения. Возможно. Лучше не рисковать.

Мама согласилась, что лучше не рисковать, но вышла от врача успокоенная. Ей казалось, что она совершила нечто важное, хотя на самом деле мы остались в той же самой точке, с которой начали. Просто мы знали теперь об этой точке гораздо больше, чем прежде, и это наполняло наши действия смыслом.

Однажды, когда мне было тринадцать лет, я проснулся от странных ощущений. Больше всего в этих ощущениях было брезгливости и страха, потому что я ничего подобного не хотел, не ожидал и не просил.

Я встал и пошел переодеваться, а потом полез в шкаф за свежим постельным бельем. Мне вообще все это не понравилось и показалось похожим на болезнь, хотя в школе на уроке биологии нам уже показывали комикс, где объяснялось про половое созревание.

Кстати, половина моих одноклассников, и я в том числе, так и не поняли из этого комикса, откуда, собственно, берутся дети. То есть внешний механизм был там продемонстрирован во всех необходимых деталях, но как это все происходит мистически — осталось по-прежнему загадкой.

А детей интересует в первую очередь вовсе не соединение этих, которые с хвостиком, и чьей-то там яйцеклетки и не погружение одного полового органа в другой (все это отнюдь не сногшибательная новость: во дворе и в пионерлагерях нас давно уже просветили старшие приятели). Нет, именно мистический план не дает покоя и остается загадкой. Почему рождается именно этот ребенок, а не какой-то другой? Как это вышло, что у родителей почему-то — к счастью, конечно! — получился конкретный «я», а не некий абстрактный «он», который был бы вполне конкретен, если бы был зачат именно «он», а «я» так и остался бы в стране Нигде.

Когда я с чистым бельем вернулся в спальню, там горел свет и возле окна стояла женщина.